

## Нѣсколько новыхъ трудовъ по лингвистикѣ.

1) A. Meillet, *Études sur l'étymologie et le vocabulaire du vieux slave*. 1-re partie. Paris 1902—1905 8°, стр. XII+511. (Bibliothèque de l'École des hautes études, Sciences historiques et philologiques vol. 139).

Историка греческаго языка, главнымъ образомъ, интересуетъ послѣдняя глава этой книги: «Etymologies», р. 151—190, гдѣ, между прочимъ, обращается вниманіе на рядъ словъ, заимствованныхъ изъ латинскаго и греческаго языковъ. Достоинства книги французскаго лингвиста-слависта уже достаточно подчеркнуты его рецензентами; всецѣло присоединяясь къ нимъ я, однако, считаю нужнымъ отмѣтить здѣсь рядъ неточностей: стр. 183 мы читаемъ: «ст.-слав. палата *παλάτιον* (Cod. Suprasl. 178, 16), русск. палáта, подобно др.-верх.-нѣм. *pfalanza*, др.-сакс. *palencea*—формы женск. рода, образованныя отъ латинской формы средн. рода, которая не имѣется въ романскихъ языкахъ (гдѣ ит. *palazo* и проч.). Но здѣсь нѣтъ германскаго носового. Странно *т* вм. *тj* въ концѣ слова, ибо нельзя думать о латинск. *palātum*.—Въ сербск. *rolača*, чешск. *palác*, польск. *pałac*, верхн.-лужицк. *pałac* это вполне правильно... Значить,—заключаетъ авторъ,—ни одна изъ славянскихъ формъ не восходитъ къ германскимъ; всѣ онѣ заимствованы непосредственно изъ латинскаго языка».—Западно-славянскія формы дѣйствительно могутъ быть заимствованы изъ латинскаго, но для южно-славянскихъ формъ: словинск. *palāča*, болг. *палат*, *палати*, серб. *rolača*, мало-русск. *rolača*, болѣе вѣроятенъ греческій источникъ *παλάτιον* (примѣры Miklosich, *Etymolog. Wörterb.* 255; G. Meyer, *Neugr. Stud.* III, 51). Что касается русской и ст.-слав. формъ, то онѣ, вопреки мнѣнію Meillet, могутъ быть объяснены вполне удовлетворительно изъ греческаго языка. Дѣло въ томъ, что въ греческ. яз. цѣлый рядъ *deminutiva*, заимствованныхъ изъ латинскаго языка, имѣетъ рядомъ съ собою и *augmentativ*ныя формы, созданныя уже на греческой почвѣ: *μαντίλι* изъ *mantile* рядомъ съ *μαντίλα* (см. примѣры G. Meyer, *Neugr. Stud.* III, 42),—*λαγάριν* изъ *lanagia*, рядомъ съ *λαγάρα* (G. Meyer, *ibid.* 38),—*μισούριν* изъ *missorium*, рядомъ съ *μισούρα* (G. Meyer, *ibid.* 44) и т. д. При подобныхъ дублетахъ одинаковаго, приблизительно, значенія, весьма вѣроятно, что рядомъ съ *παλάτιν* изъ *palatium* существовала византийская народная форма *παλάτα*, удержавшаяся въ русской и старославянской формахъ.—Ст.-слав. *поганъ* (Син. Требникъ 23а, 103в; Супральск. рук. 83, 13) женск. род.: *поганыни*, Марк. VII 26 Зогр. Мар. срвн. сербск. *поган*, русск. *поганый*, чешск. *po han* Meillet p. 185, изъ *pāgānus*. Въ виду христіанскаго отбѣнка значенія, весьма вѣроятно посредство греческаго *παγανός* (G. Meyer, *Neugr. St.* III, 51).—Стр. 186, *τριάντα* изъ *τριάκοντα* объясняется дссимиляціей,—мнѣніе, ошибочность котораго намъ въ доказана въ *Byzant. Zeitschr.* XVI, 262—265; *Kuhns Zeitschr.* XLI, 154—157. Ст.-слав. *колѣда* (Син. Требн. 103в), польск. *kolęda*, серб. *kólēda*

врядъ ли изъ лат. *calendae* (Meillet 186). Въ виду христіанскаго отгѣвка значенія вѣроятно изъ греч. *καλάνδαι, κάλενδα* (см. G. Meyer, Neugr. St. III, 23; Dieterich, Untersuchungen z. Gesch. d. griech. Spr. 19).—Ст.-слав. **кѣвъль** (серб. *kábo, kábla*) врядъ ли изъ лат. *suprélum* (Meillet 186), скорѣе изъ др.-верх.-нѣм. *kubil* см. Kluge Et. Wb. d. deutsch. Spr.<sup>6</sup> 229.

Историковъ греческаго языка въ книгѣ Meillet'a главнымъ образомъ заинтересуетъ глава «De quelques particularités des noms empruntés au grec» р. 187—190, гдѣ приводятся греческія заимствованія въ старославянскихъ памятникахъ. Замѣчательный лингвистъ, къ сожалѣнію, не знакомъ съ лингвистической литературой по средне- и новогреческому языку, но все же онъ собралъ въ своемъ трудѣ интересныя для исторіи греческаго языка матеріалы. Въ формѣ **ѳрарь** (Син. Требн. 38в) непонятное для Meillet 187 неударяемое *у* изъ *ο* (*ῥῥῆριον*) объясняется сѣверно-греческимъ съуженіемъ неударяемаго вокализма (т. е. *ο* въ *и*, *ε* въ *і*, *ο* чемъ Hatzidakis, Einleitung 343). Съ тѣмъ же самымъ явленіемъ мы имѣемъ дѣло въ **пискѣпъ** изъ *πίσκοπος* *ἐπίσκοπος*. Памятникъ относится къ XI в. (см. Vondrak, Altkirchenslavische Grammatik 13) и для данной эпохи, такимъ образомъ, подтверждаетъ указанное сѣверно-греческое съуженіе, вопреки мнѣнію Hatzidakis'a Einleitung 348, относящаго зачатки этого фонетическаго явленія лишь къ XVI в.—Ст.-слав. **корабль** изъ греч. *καράβιον* съ *б* вм. греч. *β* относится къ эпохѣ, когда въ греческомъ языкѣ еще имѣлись звонкіе смычные согласные *b, d, g*, вполнѣдствіи измѣнившіеся въ звонкіе спиранты *β, δ, γ*. Такимъ образомъ, выясняется, что въ греческомъ языкѣ *deminutiva* на—*ιον* замѣстили первоначальныя *πρωτότυπα* въ то время, когда славянскіе языки жили общей жизнью, до начала тѣхъ фонетическихъ и формальныхъ измѣненій, которыя являются характерными признаками эллинистической *κοινή*.—Стр. 188 Meillet упустилъ изъ виду, что слова: **хлалмѣда** (Син. Требн. 49в, Матѳ. XXVII, 28, 31), **паронсида** (Мтѳ. XXIII, 25, 26), **аспида** (Пс. LVII, 5; XC, 13), **икѣна** (Пс. LXXII, 20), **пинакида** (Супр. рук. 107, 3) восходятъ къ ср.-греч. *χλαμύδα, ἀσπίδα, παροψίδα, εἰκόνα, πινακίδα*, при чемъ самый слав. суфф.—**ида** перешелъ къ намъ изъ греческаго языка.

Сочетаніе *-zt-* изъ *-st-* въ формахъ: **катапетазма**, *καταπέτασμα* Мтѳ. XXVII, 51, Лука XXIII, 45; **хризма**, *χρίσμα*, **змир(ь)на** Мтѳ. II, II; Ассем. Савв., но Маринск. **змирънно** Иоанн. XIX, 39; Ассем. **змірдно**, Зогр. **змірно** и проч. (Meillet 188 и 190)—образовалось уже на греческой почвѣ (см. Thumb, Handbuch 16). Любопытный случай *Vulgäraspiration* на греческой почвѣ мы имѣемъ въ ст.-слав. **фронтъ** (Клоцовъ Сб. 134), изъ **профитъ** *προφήτης*, **фрепектъ** *πράιφεκτος* и **фроспѣра** *προσφορά*, **фанпилиа** *παμφυλία* и проч. (Meillet 189; другіе греческіе примѣры см. Dieterich, Untersuchungen 85 sq.). Ст.-слав. **органъ**—примѣръ *Svarabhakti* на славянской почвѣ,—явленія, на которомъ мы въ ближайшемъ будущемъ думаемъ остановиться въ «Изв. отд. русск. яз. и слов.».

Латинскій суф. — *arius*, по мнѣнію Meillet (211—213), былъ заимствованъ славянами въ видѣ — *арь*. Но здѣсь необходимо предположить греческое посредство. Въ этомъ насъ убѣждаютъ формы въ родѣ *дохиарь* — *δοχειαρίς*, *прониарь* — *προνοιρίς*, *праматарь* — *πραματάρης* и др., а также и то обстоятельство, что всѣ слова, кажущіяся латино-романскими заимствованиями въ старославянскомъ языкѣ, имѣются и въ среднегреческомъ языкѣ, напр. *портарь* — *πορτάρης*; *вестиарь* — *βεστιάρης*; *келларь* — *κελλάρης*; *нотарь* — *νοτάρης*; *капникларь* — *καπικλάρης* и проч.

2) А. И. Соболевскій, *Лекции по исторіи русскаго языка*. Изданіе третье. Москва 1903. 8<sup>о</sup>, стр. 303<sup>1)</sup>.

Для изслѣдователей исторіи греческаго языка въ томъ широкомъ смыслѣ, какъ ее понималъ покойный G. Meyer, Neugr. St. I, 1, греческіе элементы въ славянскихъ языкахъ представляютъ столь же драгоценный матеріалъ, какъ и народно-греческія заимствования въ восточныхъ языкахъ. Если это не признано учеными изслѣдователями греческаго языка (см. Thumb въ *Byz. Zeitschr.* IX, 388), то это слѣдуетъ приписывать отсутствію изслѣдованій, посвященныхъ изученію греко-славянскихъ языковыхъ отношеній. Именно въ виду того, что трудъ А. И. С—аго въ настоящее время приобрѣлъ значеніе послѣдняго слова науки о русскомъ языкѣ, мнѣ кажется не лишнимъ остановиться на нѣкоторыхъ неточностяхъ въ немъ и рассмотреть его съ точки зрѣнія грециста и, кстати, изъ собранныхъ здѣсь матеріаловъ отмѣтить нѣсколько частныхъ, интересныхъ для исторіи греческаго языка: На стр. 32 русск. *о* изъ *е* въ началѣ словъ: *Овдотья*, *Овсей*, *Остапъ*, *Овстратъ*, *Олпатъ*, *Олферъ*, *Олена* и проч. рассматривается какъ особенность греческаго языка. Въ охидна (*ὄχιδνα*) это дѣйствительно возможно: какъ въ *ὄχιά*, *ὄχιδρα*, такъ и здѣсь начальное *о* изъ *ε* (*ἐχιδνα*) появилось подъ вліяніемъ Volksetymologie съ *ὄφης* (см. W. Meyer, S. Portius 79). Но въ литературныхъ словахъ въ родѣ *ὄκлинасть*, *ὄпитемя* и т. п., а также и въ упомянутыхъ выше собственныхъ именахъ это измѣненіе съ точки зрѣнія греческаго языка не объяснимо, поэтому объясненія его слѣдуетъ искать на русской почвѣ. Въ словѣ *опитемя* мы имѣемъ дѣло съ народно-этимологическимъ введеніемъ предлога *о* — (*объ*—); объ этомъ явленіи см. Буличъ, Р. Ф. В. XV, 356 сл. Быть можетъ и для другихъ формъ найдется подобнаго же рода объясненіе на русской почвѣ. Вообще «искаженные» формы греческихъ словъ въ русской транскрипціи для греческаго языка могутъ быть использованы только если онѣ 1) объяснимы фонетически и 2) подтверждаются болѣе или менѣе близкими формами изъ современныхъ греческихъ говоровъ или изъ средне-греческихъ памятниковъ. — На основаніи того, что звукъ *α* греческихъ словъ передается чрезъ русское *о*, и греческое *ο* чрезъ русск. *у* А. И. С—ій заключаетъ, что гласный *ο* въ русскомъ

1) Ср. рецензію Е. Θ. Карскаго въ Русск. Филол. Вѣстн. LI (1904), стр. 297—299.

языкъ произносился открыто. Въ этомъ отношеніи греческія выраженія для историка русскаго языка, мнѣ кажется, представляютъ ненадежный матеріалъ; они могутъ быть заимствованы изъ сѣверно-греческихъ говоровъ, гдѣ наблюдается суженіе неударяемыхъ *a*, *o*, *e* въ *o*, *u*, *i* (см. Hatzidakis, Einleitung 343). Такимъ образомъ русская транскрипція болѣе любопытна для исторіи греческаго языка. Также интересны для лингвиста формы: **дверларь** (стр. 44) = *φεβράρις* (о значеніи этой формы см. G. Meyer, Neugr. St. III, 69).—Слово **парусъ** (стр. 44) не можетъ быть фонетической передачей греческаго слова: заманчивое *πάπλωμα*, одѣяло изъ (*ἔ*)*φάπλωμα* (Foy, Lautsystem 11) образовалось подъ вліяніемъ ассимиляціи согласныхъ и это—случай единичный. Вѣроятно же другое предположеніе относительно парусъ: слово, очевидно, заимствовано изъ *φᾶρος*, сѣв.-греч. *φάρους*, при томъ въ эпоху, когда звукъ *φ* былъ еще непривыченъ для русскаго произношенія. Поэтому онъ и передавался чрезъ *п* (другіе примѣры подобной же передачи греч. *φ* на славянской почвѣ см. Соболевскій, Церковно-славянскій языкъ: Фонетика 47). Съ сѣверно-греческимъ суженіемъ неударяемаго *o* въ *u* мы имѣемъ дѣло въ **луннастырь** (стр. 68).—Слово **калуиць** не можетъ служить доказательствомъ «перехода» *i* въ *j* на русской почвѣ (стр. 126), ибо можетъ быть фонетической транскрипціей греч. *καλόγερος* (*kalógeros*).—На почвѣ греческаго языка диссимиляція согласныхъ — столь же распространенное явленіе, какъ и въ русскомъ языкѣ (см. Dieterich, Untersuchungen 122 — 125; Krumbacher, Geschichte d. byzant. Litteratur<sup>2</sup> 305; G. Meyer, Neugriechische Studien II, 92 sq.), поэтому формы **уларь** изъ *ῥάριον* (стр. 142), **крилосъ** = **клиросъ** *κλήρος* (стр. 144) не могутъ быть надежными иллюстраціями русской диссимиляціи.—Форма **паска** изъ **пасха** = *πάσχα* (стр. 143) также объяснима съ точки зрѣнія греческаго языка въ виду существованія здѣсь комбинаторнаго измѣненія *сх* въ *ск* (см. Dieterich, Untersuchungen 101; Thumb, Handbuch 13; Hatzidakis, Einleitung 162).—Интересна передача рефлексовъ греческаго *υ* въ древне-русскихъ памятникахъ; въ соединеніи съ матеріалами по данному вопросу, собранными Thumb'омъ Byzant. Zeitschr. IX, 397 sq, Indogerm. Forsch. VIII, 196, и Dieterich, Untersuchungen 23, эти матеріалы могли бы въ значительной мѣрѣ способствовать рѣшенію вопроса о произношеніи рефлексовъ древне-греческаго *υ* въ средніе вѣка. Пока отмѣтимъ **крусталь**, **хрусталь** (стр. 143) = греч. *κροστάλι* Velvendos, Македонія, *Ἀρχαία*, I, 2, 8. Впрочемъ, необходимо принять въ соображеніе, что русск. *Ѹ* вм. греч. *υ* иногда имѣетъ только графическое значеніе, подобно тому, какъ въ древне-русскихъ азбуковникахъ или алфавитахъ иностранныхъ рѣчей транскрипція греческихъ словъ часто передаетъ не произношеніе, а лишь написаніе.

Таковы общія замѣчанія, которыя могутъ быть сдѣланы со стороны изслѣдователей греческаго языка по поводу книги проф. Соболевскаго, которая, несмотря на то, что предназначена для изученія исторіи русскаго

языка въ университетѣ (см. предисловіе стр. I), въ области славянскаго языкознанія, уже въ прежнихъ своихъ изданіяхъ (см. А. А. Шахматовъ, Записка объ ученыхъ трудахъ проф. Соболевскаго, Сборникъ 2-го отд. Имп. Ак. Наукъ т. LXX) приобрѣло значеніе весьма важной справочной книги. Какъ въ прежнихъ своихъ трудахъ <sup>1)</sup>, нашъ историкъ русскаго языка и здѣсь собралъ рядъ греческихъ словъ въ русской транскрипціи, использованіе которыхъ по методу Thumb'a, *Byz. Zeitschr.* IX, 388—452, *Die griechischen Lehnwörter im Armenischen* и G. Meyer'a, *Türkische Studien I, Die griechischen und romanischen Bestandteile des Osmanisch-Türkischen*, p. 1—19, дастъ въ высшей степени интересныя для исторіи греческаго языка результаты. Это использованіе, разумѣется, должно быть предоставлено неогрецистамъ, но тѣмъ не менѣе оно весьма важно и для русскаго языкознанія: оно показало бы какія фонетическія явленія въ греческихъ матеріалахъ русскихъ памятниковъ непоятны съ точки зрѣнія греческаго языкознанія и требуютъ объясненія со стороны изслѣдователей русскаго языка.

3) **A. Thumb**, *Die germanischen Elemente des Neugriechischen*. «Germanistische Abhandlungen, Hermann Paul zum 17 März 1902 dargebracht». Strassburg 1902, p. 225—259.

4) **A. Thumb**, *Alt-und neugriechische Miscellen*: 1) Griech. ἀγλή, Glanz. 2) Griech. ὀλισθάνω. 3) Altserb. себрь und neugr. σέρρος. 4) Neugriech. σύμπλιος, Nachbar. 5) Neugriech. τσέρρα Decke und seine Verwandten in den Balkansprachen. 6) Zu den germanischen Elementen des Neugriechischen. «Indogerm. Forschungen» Band XIV (1903), p. 343—363 <sup>2)</sup>.

5) **D. C. Hesseling**, *Zu den germanischen Elementen des Neugriechischen*. *Byzant. Zeitschr.* XII (1903), p. 595—600.

6) **Richard Loewe**, *Altgermanische Elemente der Balkansprachen*. *Kuhn's Zeitschr. f. vergl. Sprachforschung* 1904, Band XXXIX, 265—334 <sup>3)</sup>.

Многочисленные слова, восходящія этимологически къ какому-либо германскому нарѣчію, Thumb, въ указанной выше статьѣ, раздѣляетъ на 2 группы: 1) Слова, заимствованныя непосредственно изъ германскихъ нарѣчій. 2) Слова, перешедшія къ грекамъ чрезъ посредство другихъ языковъ (главнымъ образомъ итальянскаго). Уже Hesseling (с. l. 595) указалъ на то, что весь второй разрядъ этихъ «germanische Elemente» Thumb'a не можетъ считаться заимствованнымъ изъ германскихъ языковъ, ибо слова эти прежде всего относятся къ тѣмъ языкамъ, откуда они перешли къ грекамъ непосредственно. Это обстоятельство нѣсколько умаляетъ число германскихъ заимствованій въ новогреческомъ языкѣ: отпадаетъ весь первый отдѣлъ старательной работы нѣмецкаго лингвиста, на который слѣдуетъ смотрѣть какъ на содержательное дополненіе къ труду G.

1) Греко-славянскіе этюды. Русск. Филол. Вѣстн. IX, 1—6; 274—278; X, 163—166. Древній церковнославянскій языкъ. Фонетика. Москва 1891.

2) Срв. K. Krumbacher, *Byz. Zeitschr.* XII (1903), 653—654.

3) См. W. Meyer-Lübke, *Altgermanische Elemente im Rumänischen*. *Kuhn's Zeitschr.* XXXIX, p. 593—599.

Meyer'a, Neugriechische Studien IV, Die romanischen Lehnworte im Neugriechischen, ибо большинство германскихъ заимствованій въ греческій языкъ попало чрезъ посредство романскихъ нарѣчій, какъ правильно указалъ и самъ Thumb. Славянское посредство не вездѣ указывается нашимъ лингвистомъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ безъ всякихъ основаній предполагается германское происхождение цѣлыхъ группъ словъ:

Слово γρίππη Influenza, Grippe (Thumb I, 235; Hesselting 596) не изъ нѣмецк. Grippe (Thumb I, 235) и не изъ русск. хрипѣние (Hesselting 596), слишкомъ отдаленнаго, а изъ русск. (Даль, Толковый словарь живого велико-русскаго языка<sup>3</sup> I, 978) хрипъ, откуда, вмѣстѣ съ болѣзью, и нѣмецк. Grippe, russischer Katarrh (см. А. Kluuver, Tydschrift voor Nederl. Taal en Letterkunde 1893 p. 88) <sup>1)</sup>.—Слово γκαρσόνι=франц. garçon восходитъ къ латинск. carduus (къ измѣненію значенія см. G. Meyer, Neugr. St. IV, 33, M. Vasmer Zeitschr. f. deutsche Wortforsch. VII, 372), значить не имѣеть ничего общаго съ германскими нарѣчіями (неправильно Thumb I 234).—Слово γρίπος «рыболовная сѣтъ» восходитъ не къ германск. grīpan «хватать», а къ древне-греческому слову, на что указалъ уже Kogais Ἀτακτα V, 44.—Слово σκορμπούτο «Skorbut», вопреки мнѣнію Thumb'a I, 243 и Hesselting'a B. Z. XII, 243, заимствовано, изъ славянскихъ языковъ (см. M. Vasmer, Zeitschr. f. deutsche Wortf. VIII, 369 сл.).—Подъ φλάσκα (Thumb I, 236 sq.) не упомянуто кипрск. βλασχίν «тыквенная бутылка» Φιλίστωρ III, 437.—Слово λόχη «пламя, огонь, искра», употребляемое на Критѣ, Loewe 286 сл. сопоставляетъ съ нѣм. Lohe и затѣмъ уже пускается въ фантастическія гипотезы о германской колонизаціи на Критѣ и въ Морѣѣ. Между тѣмъ слово λόχη въ другихъ мѣстностяхъ имѣеть значеніе «trockene Hitze, heisser Luftzug vom brennenden Ofen» и восходитъ къ др.-греч. λόγχη см. G. Meyer, Alb. St. V, 93.—βάλας (Thumb I, 253) врядъ ли изъ готск. bals (о чемъ также G. Meyer, Neugriechische Studien II, 69); вѣроятнѣе изъ старослав. бѣль, при чемъ ъ въ виду весьма открытой артикуляціи въ нѣкоторыхъ старославянскихъ говорахъ (о чемъ см. Соболевскій, Древній церковно-славянскій языкъ, Фонетика, стр. 31—33; Vondrak, Altkirchenslavische Grammatik 61 sq.) на греческой почвѣ было передано чрезъ α.—Кстати: греч. μάλιος, μάλλια, подобно алб. bal'oš, bal'aš (см. G. Meyer, Neugr. St. II, 69, Albanes. etym. Wörterb. 25) прекрасно объясняется изъ восточн.-болг. b'аl (= бѣль) (см. Лавровъ, Обзоръ звуковыхъ и формальн. особенн. болгарскаго языка 68; Христоматія по славянскимъ нарѣчіямъ № 5, 2, 13 и проч.).—Изъ того же славянскаго источника заимствовано вѣроятно рум. băl, Löwe, p. 300; другія романскія формы, какъ рум. bălan и проч. (Loewe, ibid. 299—302) впрочемъ могутъ быть объяснены изъ германскихъ формъ.—Слово γρίβας, сѣрый, бѣлый и проч. (Thumb I, 253; Loewe 84; G. Meyer, Neugr. Stud. II, 81 sq.) безъ основаній выводится изъ готск.

1) По поводу этого слова см. M. Vasmer, Zeitschr. f. deutsche Wortforsch. VIII, 370.



правильно выводится изъ итальянск. goba: 1) одежда, сукно, 2) разныя вещи. Правда, переходъ значенія отъ Plunper къ Lumpen возможенъ, но гораздо ближе ст.-слав. ржьбъ серб. рѣб, вост.-болг. рѣб (G. Meyer, Neugr. St. II, 54).—Наконецъ, слово: μπάτσος, πάτσος, пощечина, также μπάτσα Vlachos (см. Thumb II, 362), къ чему: μπάτσο, ударъ (Македонія) Fou, Lautsystem 140 и 142, заимствовано не изъ еврейско-нѣм. patsch, Watsche (Thumb II, 362), а изъ итал. bacchio = лат. bāclūm < bācūlūm см. Kōrtling 114. Этимологія сознавалась уже Fou'емъ (l. c.), какъ видно изъ его замѣтки ital. — Слово μπόρζι «долгъ», μπορζιζίζω «ἐμβάλλω εἰς χρέη» дѣйствительно можетъ быть сопоставлено съ тур. bordž Thumb I 249, но общій источникъ этихъ словъ безъ сомнѣнія румынск. porție, вмѣстѣ съ пров. porcios, франц. portion, ит. porzione, катал. portió, испан. porcion, порт. porção восходящее къ лат. pōrtione(m) (Kōrtling 685).—Цѣлый рядъ словъ, германское происхожденіе которыхъ не подлежитъ никакому сомнѣнію, но которыя прошли черезъ славянскую среду, совершенно упущены нашими германистами. Сюда напр. относятся греч. γκρίδelli «стадо» G. Meyer, Neugr. St. II, 23 — слов. krdélo «стадо» = словацк. krdel, малорусск. kerdel', которыя я возвожу къ австр.-нѣм. Herdel = нѣм. Herde, откуда серб. крд, крдо.—Греч. κοῦρβα «блядь» (см. G. Meyer, Neugr. St. II, 36) изъ ст.-слав. кѣръка < \*кѣры изъ др.-верхн.-нѣм. huoga = нѣм. Hure. — Слово μπίρλογο «ἀκάρτο» G. Meyer, Neugr. St. II, 44 черезъ посредство ст.-слав. вѣрлогъ восходитъ къ нѣм. Värloch см. Karłowicz Słownik wyrazów s. v. и т. п.—Несмотря на указанныя выше ограниченія и поправки, число германскихъ заимствованій въ греческомъ языкѣ мнѣ кажется болѣе значительнымъ, чѣмъ заставляютъ подозревать слова, собранныя Thumb'омъ, Hesselings'омъ и Loewe. Не говоря уже объ общераспространенныхъ неологизмахъ, которыми такъ дорожитъ Hesseling, число этихъ германизмовъ легко увеличить изъ византийскихъ источниковъ, начиная съ Гесихія до Константина Багрянороднаго включительно, какъ показываютъ статьи Gundermann'a Zeitschr. f. deutsche Wortforsch. VIII. Впрочемъ, нельзя пренебрегать и новѣйшими заимствованіями. Правда, для лингвистики настоящаго времени они значенія не имѣютъ, но именно благодаря ихъ регистраванію, мнѣ кажется, и расширяются наши лексикографическія свѣдѣнія о новогреческомъ языкѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ благодарны были бы мы средневѣковымъ грекамъ или ученымъ эпохи народно-греческой κοινή александрійскаго періода, если бы они въ свое время тщательно регистрировали новѣйшія въ ихъ эпоху греческія заимствованія изъ сосѣднихъ языковъ: это въ значительной мѣрѣ облегчило бы современныя этимологическія разысканія въ области греческаго языка. И вотъ съ этой точки зрѣнія я вполне правильнымъ считаю упрекъ Psichari, Revue critique XL, p. 270 sq. въ его во всѣхъ другихъ отношеніяхъ вполне несправедливой оцѣнкѣ классическаго труда G. Meyer'a, Neugriechische Studien III, Die lateinischen Elemente im Neugriechischen.

7) **Θ. Е. Коршъ.** *О нѣкоторыхъ славянскихъ словахъ иноязычнаго происхо-*

жденія. Въ «Сборникѣ статей по славяновѣдѣнію», посвященныхъ проф. М. С. Дринову. Харьковъ 1904, стр. 53—62.

Изслѣдованіе греческихъ элементовъ въ русскомъ языкѣ до сихъ поръ почти совсѣмъ не обращало на себя вниманія ученыхъ, поэтому настоящій очеркъ остроумнаго нашего этимолога, извѣстнаго, между прочимъ, прекраснымъ своимъ дополненіемъ къ «*Türkische Elemente in den südost-und osteuropäischen Sprachen*» Миклошича (*Archiv f. slav. Phil.* VIII, 637 — 651; IX, 487 — 520; 653 — 682), несмотря на свой незначительный объемъ можетъ быть встрѣченъ съ благодарностью. Греческой лингвистики въ статьѣ акад. Е. Θ. Корша касаются слѣдующія этимологіи: русск. грекъ, болг. грѣкъ, серб. грѣкъ, чешск. ěek, ц.-слав. грѣкъ выводится изъ греч. Γραικός, а не латинск. Graecus (Miklosich, *Etym. Wörterb. d. slav. Spr.* 77). Этимологія безспорна уже потому, что γραικός у писателей послѣ классическаго и византійскаго періода—форма весьма употребительная (см. примѣры *Sophoclis Lexicon s. v.*).—Русск. деместикъ изъ визант. *δομέστικος*—такъ же очевидно; Коршъ ошибочно *δομαστικός*. Слова въ родѣ деместикъ, деместьяникъ, демество, демественный и т. д., впрочемъ, не разъ уже обращали на себя вниманіе изслѣдователей: акад. А. И. Соболевскій (Грекославянскіе этюды, Русск. Фил. Вѣстн. X, 164) думаетъ о греч. \**δμεστικός*, образовавшемся будто бы подъ вліяніемъ словъ въ родѣ *δέμης*, *δμεάτιον* и проч. Коршъ (стр. 55) вполне правильно подчеркиваетъ, что *δέμης* etc.—слова поэтическія, въ византійскій періодъ уже забытыя. Для сближенія они также не представляютъ никакого соблазна, ни съ семасіологической, ни съ звуковой стороны: ни въ одномъ изъ нихъ нѣтъ ничего общаго съ обязанностями доместика, ни сочетанія *δμε*—(Коршъ *ibid.*). Но не правильна и этимологія Корша, объясняющаго *e* изъ *o* на русской почвѣ, подобно ребенку изъ робенокъ и проч. Приведенныя имъ русскія формы, а также и родственныя имъ (примѣры см. Даль, Толковый словарь<sup>3</sup> I, 1057; Срезневскій, Матеріалы для словаря древне-русскаго языка I, 652), на мой взглядъ, лучше всего выводятся изъ греч. *δμεστικός*, примѣры котораго см. G. Meyer, *Neugriechische Studien* III, 21; Psichari, *Études de philologie néogrecque* 244. Русскія формы, такимъ образомъ, позволяютъ намъ возвести греческое *δμεστικός*, до сихъ поръ извѣстное лишь изъ современныхъ говоровъ, уже къ среднимъ вѣкамъ (русск. деместикъ уже въ Житіи Θεодосія Печерск., списокъ XII в., см. Соболевскій, Русск. Фил. Вѣстн. X, 164). Въ греческой формѣ *e* изъ *o* объясняется ассимиляціей гласныхъ, но встрѣчающіяся рядомъ съ этимъ словомъ древне-русск. котопанъ изъ *καταπάνω* = *κατεπάνω*; кровать—*κρεβάτιν*, вм. обще-гречск. *κρεβάτιν*, катарга, изъ \**κάταργον*, = *κάτεργον* и др. заставляетъ насъ искать объясненія ассимиляціи гласныхъ, распространенной въ новогреческихъ говорахъ Малой Азіи не въ турецкомъ вліяніи (*Vokalharmonie*), а на почвѣ греческаго языка (иначе Hatzidakis *Einl.* 330 sq.).—Слово москолудъ, шутъ, и производныя, акад. Коршъ выводитъ изъ греч. \**μασχαρούδης*, носящій маску. Это—весьма удачная эти-

мология, обогащающая и средне-греческій словарь. — Объ остроуміи автора свидѣтельствуетъ и семасіологическое объясненіе дубровницк. ѓсаль, некаква морска риба (стр. 57). Переходъ значенія на сербской почвѣ здѣсь объясняется вліяніемъ греческаго ῥάδος=1) рыба, 2) осель<sup>1)</sup>. — Нѣкоторыхъ оговорокъ требуетъ этимологія слова скамья. Оно восходитъ къ лат. scamnum, чрезъ посредство греч. σκαμνί. Изъ славянскихъ передѣлокъ слова Коршу (стр. 58) древнѣйшей кажется сербск. скѣмија, что ведетъ къ болѣе старому \*скаміја. Но къ чужимъ существительнымъ на ударяемое *i* или *y* сербы всегда прибавляютъ окончаніе—*ја* <sup>4)</sup>. Но отсюда не слѣдуетъ, чтобы серб. скѣмија основывалось на позднѣйшемъ σκαμνί, что и мало вѣроятно, въ виду русскаго скамья, которое нельзя признать новымъ: сербская форма можетъ быть легко объяснена, такъ сказать, тематическимъ σκαμνί, въ nom. sing. σκαμνίν, gen. σκαμνίου и т. д. — То, что древнѣйшее (чакавское) \*скаміја измѣнилось у насъ не въ скѣмья, какъ Εὐδοκία въ Овдѣтя, и не въ скамѣя какъ Πελαγία въ Пелагѣя, а въ скамья, Коршъ (стр. 59) объясняетъ приобщеніемъ этого заимствованія къ разряду своихъ: семья, статья, князь и т. п. Но при этомъ не обращается вниманія на то, что Εὐδοκία въ народномъ произношеніи никогда не произносится \*Εὐδοκία, Πελαγία никогда

1) Подробное семасіологическое изслѣдованіе перехода значеній: осель > товаръ > рыба, мы думаемъ предпринять въ ближайшемъ будущемъ.

2) То же самое мы замѣчаемъ и въ другихъ славянскихъ языкахъ: ст.-слав. *лѣкни* = *λεβεί*, точнѣе *λεβυεί*, параскивни, = *παρασκευή*, точнѣе *παρασκευή*, и проч. Коршъ не останавливается на причинахъ этого явленія; между тѣмъ онѣ вполне очевидны на греческой почвѣ. Мы имѣемъ массу греческихъ словъ на—*ί*, plur. —*α*: *κουκί*, — *κουκία* (*kukí—kuk'á*), *σκαμνί—σκαμνία* (*skamní—skamníá*), *κελλί*—*κελλία* (*kel'í—kel'ía*) и проч. Формы съ окончаніемъ—*ί* для славянъ, заимствовавшихъ эти слова, были непривычны, поэтому они, обращая вниманіе на оконч. nom. pl. со сн. palat + á создавали особыя Mischformen съ оконч.—*ija* (о возможности подобныхъ образованій см. W. Wundt, *Völkerpsychologie*<sup>2</sup> I, 1, p. 466 sq; Hatzidakis, *Einleitung* 480). Такимъ образомъ получились формы въ родѣ келија, скаміја и проч., гдѣ слав.—*ija* соответствуетъ иноязычн.—*ί*. Это отношеніе по аналогіи было перенесено и на тѣ случаи, гдѣ иноязычныя имена на—*ί* не имѣли параллельныхъ формъ на —*α*: греч. *παρασκευή* — ст.-слав. *параскивни*, ἡ ῥουμένη — ἰνδογμνни турецк. *deli*—серб. *делија*, турецк. *gömrükdži*—серб. *дѣумрукчија* и проч. Въ русскомъ языкѣ гласный—*y* отъ—*ί* отличается только несреднеязычностью предшествующаго согласнаго (т. *y* и *i* психически ближе другъ къ другу, чѣмъ къ другимъ согласнымъ см. И. А. Бодуэнъ де Куртене, *Лингвистическія замѣтки и афоризмы*, Журн. Мин. Народн. Просв. 1903, IV, 312). Въ южславянскихъ же языкахъ наблюдается совпаденіе *y* съ *i*, т. е. въ обоихъ случаяхъ гласный звукъ вызываетъ среднеязычность предшествующаго согласнаго (см. Бодуэнъ де Куртене, *Сравнительная грамматика славянскихъ языковъ*, 1901 — 1902, стр. 55 — 56; Флоринскій, *Лекція по славянскому языковеденію* I, стр. 82—83; 256 сл.). Отсюда понятно, почему иноязычныя имена на—*y* подверглись воздѣйствію той же аналогіи, т. е. почему и они на славянской почвѣ получили оконч.—*ija*: турецк. *кошѣ*—серб. *комшија* и проч. (примѣры см. Коршъ, *l. c.* стр. 58).—Подъ указанное сейчасъ правило не подпадаютъ русскія имена существительныя въ родѣ кутья, скамья и проч. Но эти формы заимствованы непосредственно изъ греч. nom. plur. *κουκία*, *σκαμνία* и проч.

не Πελαγία, въ то время, какъ имена существительныя имѣютъ пом. рl. κουχιά, σκαμνιά и т. д. Поэтому, при разныхъ условіяхъ акцентовки на греческой почвѣ должны были получиться разные результаты въ удареніи славянскихъ заимствованій. — Турецкое iskemle не понятно, какъ непосредственное заимствование изъ греч. σκαμνί (см. G. Meyer, Türkische Studien I, 46), поэтому дѣйствительно вѣроятно посредство серб. \*скамля (Коршъ, стр. 59 и равнше: Archiv f. slav. Phil. IX, 504), но врядъ ли это \*скамля можно поставить въ связь съ русской формой.

8) K. Dieterich, *Neugriechisches und Romanisches*. I Teil: 1) Die Synkope im Neugriechischen. 2) Wechsel von β und μ im Neugriechischen. Kuhns Zeitschrift f. vergl. Sprachforsch. XXXVII (1902), p. 407—423. II Teil: 1) Primäre Übereinstimmungen zwischen romanischen und griechischen Lauterscheinungen. 2) Sekundäre Übereinstimmungen zwischen neugriechischen und romanischen Lauterscheinungen. 3) Übereinstimmungen zwischen primären griechischen und sekundären romanischen Erscheinungen. Kuhns Zeitschrift, XXXIX (1904), p. 81—136. -

Авторъ настоящихъ статей уже достаточно извѣстенъ замѣчательной своей работой «Untersuchungen zur Geschichte der griechischen Sprache» Leipzig 1898, обнаружившей въ немъ одного изъ лучшихъ знатоковъ народно-греческой Κοινή александрійской эпохи. Главнымъ достоинствомъ этого труда слѣдуетъ считать весьма опредѣленно выраженное въ немъ стремленіе установить связь между аналогичными фонетическими явленіями александрійской Κοινή съ одной, и современныхъ греческихъ говоровъ съ другой стороны и такимъ образомъ произвести классификацію новогреческихъ діалектовъ на историческихъ основаніяхъ. — Труды Dieterich'a и Hatzidakis'a показали, что современные греческіе говоры восходятъ не къ соответствующимъ древне-греческимъ говорамъ, а къ обще-греческому народному языку (gemeingriechische Vulgär-Koine) александрійской эпохи. Такимъ образомъ было доказано, что исторія развитія новогреческихъ діалектовъ шла вполне параллельно съ исторіей романскихъ нарѣчій, восходящихъ также къ одному общему источнику — вульгарной латыни. Этому внѣшнему параллелизму въ исторіи двухъ языковыхъ группъ, по его мнѣнію, долженъ соответствовать параллелизмъ внутренній и именно это обстоятельство побудило нашего изслѣдователя греческаго языка къ сравнительному изученію однородныхъ явленій греческой и романской языковыхъ группъ. Къ сожалѣнію, настоящія двѣ статьи не удовлетворяютъ требованіямъ, которыя мы въ правѣ предъявлять автору со столь хорошей лингвистической подготовкой. Прежде всего необходимо было съ возможной полногой собрать примѣры каждаго фонетическаго явленія въ отдѣльности; но именно за этимъ вовсе не гнался нашъ авторъ. Поэтому и статьи его богаты опрометчивыми выводами: Напр. I <sup>1)</sup>, 411 онъ говоритъ: «Im Gemeingriechischen

1) Римскія цифры обозначаютъ статью, арабскія — страницы статей Dieterich'a.

schwindet nur *i*, und zwar im Vorton, ohne notwendige dissimilatorische Wirkung» и не обращено вниманія хотя бы на *κοινή*-форму *ἔρμος* изъ *ἔρημος*; далѣе I, 412: «Die gemeingriechischen Fälle des Vokalschwunds sind nur gering an Zahl» и проч. Подобныя замѣчанія мнѣ кажутся нѣсколько неправильными, потому что 1) о прежнихъ эпохахъ въ исторіи греческаго языка мы имѣемъ довольно скудныя свѣдѣнія 2) и приведенные Dieterich'омъ примѣры вовсе не могутъ претендовать на полноту. Къ случаямъ исчезновенія гласнаго *o*, напр., можно прибавить извѣстное: *ἄρτί* изъ *ἄρωτί* — *ρωτί* — *ώτιν* — *ώτιον* (см. Foy, Lautsystem 20). Затѣмъ общегреч. *πεσκαδρίτσα*, рыба *Lophius piscatorius*, изъ \**πεσκατορίτσα*, что изъ лат. *piscatorius*, *piscatoria* (см. примѣры Hoffmann & Jordan, Catalogue of fishes 278) и проч. Выѣтъ съ тѣмъ нашъ изслѣдователь, очевидно увлекаясь фонетическими явленіями, нерѣдко пренебрегаетъ психологическими измѣненіями въ языкѣ: вліяніемъ болѣе употребительныхъ словъ на менѣе употребительныя такъ назыв. Volksetymologie: несомнѣнно съ такимъ явленіемъ мы имѣемъ дѣло въ: *πορτικὴ* вм. *πολιτικὴ* (I, 409) подѣ вліяніемъ *πόρτα* и проч. Далѣе слѣдуетъ обратить вниманіе еще на другое обстоятельство: сѣверно-греческимъ говорамъ присуще суженіе неударяемыхъ гласныхъ *a*, *o*, *e* въ *o*, *u*, *i* и исчезновеніе въ неударяемомъ положеніи гласныхъ крайней степени суженія *u* и *i*, какъ слѣдствіе того же физиологическаго процесса (см. Hatzidakis, Einleitung 342 sq.; Thumb, Handbuch 6). Такимъ образомъ формы въ родѣ *σοῦρτα*, *σοῦρτώνει* изъ *σοῦρουττα*, *σοῦρουτώνει* въ этихъ говорахъ вполне законны и объясняются указаннымъ суженіемъ неударяемаго вокализма. Но въ виду румынскаго происхожденія слова изъ *soarele arune* (см. G. Meyer, Neugriechische Studien II, 78) нѣтъ сомнѣнія, что формы *σοῦρτα*, *σοῦρτώνει* уже въ этомъ видѣ были перенесены на греческіе острова *Leukas*, *Karpathos* и проч. (гдѣ отмѣтилъ ихъ Dieterich I, 410). Догадка эта подтверждается тѣмъ, что на островахъ наблюдаются и славянскія заимствованія (G. Meyer, Neugriechische Studien II, 8), которыя попали сюда, разумѣется, не прямо отъ славянъ, а чрезъ посредство сѣверно-греческихъ говоровъ. Для изслѣдуемыхъ Dieterich'омъ въ настоящихъ очеркахъ общегреческихъ фонетическихъ явленій, такимъ образомъ, подобныя примѣры ничего не доказываютъ.— Не вполне безошибочно подобраны и примѣры изъ романскихъ языковъ: *trementina* изъ *τρέβετιδος* (Dieterich I, 411) могло появиться подѣ вліяніемъ *tremere* (Volksetymologie), такъ же и *tremoto* изъ *terremoto* (ibid.) и т. д.— При собраніи матеріаловъ нашъ лингвистъ слишкомъ довѣрчиво отнесся къ новогреческимъ этимологамъ: I, 416 въ числѣ примѣровъ измѣненія *μ* въ *β* онъ приводитъ: *τσιβίκι*, Hundelaus изъ итальянск. *simice* (по G. Meyer'у, Neugriech. Stud. IV, 93). Но уже покойный этимологъ по поводу своей комбинаціи высказалъ недоумѣніе: *x* (въ греческой формѣ) *befremdet* (с. l.). Гораздо вѣроятнѣе незамѣченная Meyer'омъ, болѣе древняя, этимологія нашего слова *τσιβίκι* изъ *χιμβίξ*, *χιμβίκιον*»

κιβίσιον (см. Koraïs, Ἀτακτα I, 267 и 272), но въ такомъ случаѣ слова сюда и не подходятъ.

Упрекъ, сдѣланный автору за первую часть его изслѣдованія, еще въ большей мѣрѣ подходитъ ко второй. При разбросанности матеріаловъ по греческому языку и при слабой разработкѣ фонетическихъ явленій этого языка необходимо было рассмотретьъ всѣ явленія въ отдѣльности и объяснить ихъ на греческой почвѣ, прежде, чѣмъ пускаться въ комбинаціи съ романскими нарѣчіями, какъ бы остроумны онѣ ни были. Къ тому же и матеріалы Dieterich'a не вполне надежны: румынск. сãġãmidã = κερὰ μὶδᾶ II, 90: самара = сатега, — врядъ ли надежные примѣры ассимиляціи гласныхъ звуковъ: первая форма могла попасть въ румынскій языкъ чрезъ посредство турецкаго языка. Вторая же могла быть заимствована изъ греч. κάραρα (см. G. Meyer, Neugriech. Stud. III, 24).—Въ румынск. sãmbãtã = sabbata, II, 92, носовой появился не на румынской почвѣ: чрезъ посредство ст.-слав. сѣбота это слово восходитъ къ народно-греч. σάββατον (о которомъ см. G. Meyer, Indogerm. Forsch. IV, 326 sq. W. Schulze, Kuhns Zeitschr. XXXIII, 366 sq.). — Мы съ удивленіемъ видимъ подобнаго рода неточности у ученаго, не такъ давно ознакомившаго насъ съ народной рѣчью эллинизма въ обширномъ изслѣдованіи, гдѣ обращено вниманіе и на назализацію при звонкихъ смычныхъ согласныхъ въ греческомъ языкѣ (см. Dieterich, Unters. 92 sq.). Реконструктивныя попытки автора неточны и непрочны, потому что производятся прямо механически; вѣдь очень древнія формы языка часто сохраняются лишь въ одномъ какомъ нибудь отдаленномъ говорѣ и, наоборотъ, позднія сравнительно формы часто широко распространяются въ нѣкоторыхъ языковыхъ областяхъ. На этотъ, казалось бы, простой фактъ не обратилъ вниманія Dieterich II, 92 sq. и въ этомъ, именно, и заключается принципиальная ошибка его изслѣдованія, которое врядъ ли можетъ быть поставлено выше книги Körting'a, Neugriechisch und Romanisch, Berlin 1896.

9) А. И. Соболевскій, *Рецензія труда Н. А. Смирнова, Западное вліяніе на русскій языкъ.*

10) Ф. Е. Коршъ, *Рецензія работы Д. К. Зеленина, Германскіе, романскіе и латинскіе элементы, вошедшіе въ русскій языкъ до XV в.* — Обѣ статьи въ «Отчетѣ о первомъ присужденіи преміи М. И. Михельсона въ 1903 году», Сборникъ отдѣленія русскаго языка и словесности Имп. Ак. Наукъ, томъ LXXVIII (1905), 1—32.

Труды, увѣнчанные половинными преміями при первомъ присужденіи наградъ имени М. И. Михельсона, не напечатаны; тѣмъ большаго вниманія, при отсутствіи обширныхъ изслѣдованій, заслуживаютъ эти статьи, имѣющія отношеніе и къ греческой лингвистикѣ. Уже нѣсколько лѣтъ назадъ А. И. Соболевскій обратилъ вниманіе на то, что многія латинскія слова въ славянскіе языки проникли чрезъ посредство грековъ (см. Русск. Филол. Вѣстн. IX 1—6; 274—278; X 163—166). Отсутствіемъ подробной работы о греческомъ вліяніи на славянъ и объясняется рядъ не-

точностей не только въ рукописныхъ трудахъ гг. Смирнова и Зеленна, но и въ настоящихъ рецензіяхъ: слово коруна (стр. 15), каруна заимствованы не съ запада, а изъ греч. *κοροῦνα*, *κουροῦνα* (примѣры G. Meyer, *Neugriechische Studien* III, 32; объясненіе — *οὐ* — изъ — *ό* — см. P. Kretschmer, *Byzant. Zeitschr.* X, 584). — Слово **титла** въ московскихъ документахъ XVII в. восходитъ къ церковно-слав. **ТИТЛО**, **ТИТЛА**, находящемуся въ евангельскомъ текстѣ и другихъ текстахъ, начиная съ Остромирова Евангелія (см. Соболевскій 16). Но въ виду исчезновенія — *y* — (лат. *titulus*, причины см. Dieterich, *Untersuchungen*, p. 38 sq.), а также въ виду *neutr.* и *fem. gen.* оно должно быть возведено къ греч. *τίτλος*, *τίτλο(ν)*, plur. *τίτλα* (примѣры G. Meyer, *Neugr. Stud.* III, 65), откуда арм. *titlos*, см. Thumb, *Byz. Zeitschr.* IX, 431. — Русск. **попъ** создано на основаніи *gen. sing.* *попá*, что изъ греч. *gen. sing.* *παπᾶ*, nom. *παπᾶς* (какъ правильно Коршъ 27). — Русск. **скарлатъ** изъ н.-греч. *σκαρλάτον* (Коршъ 28). — Слово **сентябрь** изъ **сентябрь** восходитъ къ греч. *σεπτέμβρις*, а не прямо къ *σεπτέμβριος* (Коршъ 30), что дало бы \***сентябрій**. Греческое же происхожденіе слова вѣроятно въ виду **февраль** изъ **февраръ** — греч. *φεβράρις*. — Русск. **тябло** (Коршъ 30) правильно выводится изъ греч. *τέμπλον*, ибо лат. *templum* дало бы \***тяпло**. — Русск. **клевертъ**<sup>1)</sup> восходитъ къ греческому *κολλίβερος* (Miklosich, *Etymol. Wörterb. d. slav. Spr.* 119), чрезъ праславянск. \***клевертъ**, ибо непосредственное заимствованіе съ латинскаго *collibertus* дало бы праслав. \***клебертъ**, русск. \***клебереть**, ст.-слав. \***клебрѣтъ** (напротивъ Коршъ 31). Вообще при изученіи латинскихъ и романскихъ заимствованій въ славянскихъ языкахъ постоянно слѣдуетъ обращать вниманіе на греческія формы, ибо въ большинствѣ случаевъ эти заимствованія шли чрезъ посредство грековъ.

11) A. Thumb, *Die mittel- und neugriechische Sprachforschung in den Jahren 1896—1902*. «Anzeiger für indogermanische Sprach- und Altertumskunde», Strassburg 1903, Band XIV, p. 62—81; 1904, Band XV, 162—204.

12) A. Thumb, *Die Forschungen über die hellenistische Sprache in den Jahren 1896—1901*. «Archiv für Papyrusforschung» II, (1903), p. 396—427.

Изъ библиографическихъ пособій по средне- и новогреческой лингвистикѣ особенное значеніе имѣетъ трудъ G. Meyer'a, *Neugriechische Studien*, I, Versuch einer Bibliographie der neugriechischen Mundartenforschung. Дополненіемъ къ этому труду, въ которомъ, разумѣется, не указаны новѣйшія изслѣдованія, вышедшія въ свѣтъ за послѣдніе 7—8 лѣтъ, служили рефераты, по лингвистикѣ въ «Byzantinische Zeitschrift» и статьи Thumb'a въ томъ же «Anzeiger» VI, 210—232; IX, 117—164. О потребности въ такихъ работахъ нѣтъ надобности распространяться, но статьи Thumb'a даютъ больше, чѣмъ заставляеть ожидать ихъ заглавіе: здѣсь мы имѣемъ предъ собой не сухой перечень научныхъ сочиненій, но любопытнѣйшій критическій обзоръ ихъ. Уже прежніе труды Thumb'a

1) Заимствованное изъ старослав. **клеврѣтъ**, ибо др.-русск. **клевереть**.

обнаружили въ немъ одного изъ наиболѣе видныхъ представителей греческой лингвистики: Untersuchungen über den Spiritus Asper im Griechischen, Strassburg 1889; Handbuch der neugriechischen Volkssprache, Strassburg 1895; классическія работы въ родѣ: Die griechische Sprache im Zeitalter des Hellenismus, Beiträge zur Geschichte und Beurteilung der Κοινή, Strassburg 1901; Die griechischen Lehnwörter im Armenischen, Byzant. Zeitschr. IX (1900), 388—452 и проч. Упомянутыя выше статьи показываютъ, что нашъ лингвистъ за послѣднее время серьезно изучилъ литературу по балканской (прежде всего греческой, затѣмъ албанской) лингвистикѣ и этнографіи. Онъ слѣдитъ не только за содержаніемъ научныхъ изслѣдованій, но, подобно Meyer'у, отмѣчаетъ и случайныя сообщенія въ статьяхъ, не имѣющихъ научной цѣнности (напр. Albanus Skolar, Balkanhalbinsel und Orientfrage, см. Ind. Forsch. Anz. XIV, 66). Здѣсь же имѣются интересныя не только для византийской филологіи этнографическія свѣдѣнія о балканскихъ народахъ отчасти на основаніи географическихъ названій. Подобнаго рода этимологическое изученіе сѣверно-греческой географической номенклатуры несомнѣнно принадлежитъ къ числу наиболѣе интересныхъ, хотя и трудныхъ проблемъ балканскаго языковѣданія. Къ сожалѣнію, Thumb'омъ упущена изъ виду особенно важная для русскихъ византинистовъ сторона этого вопроса: греко-славянскія отношенія и остатки славянъ въ Греціи. Между тѣмъ эти остатки довольно значительны и далеко не исчерпаны въ изслѣдованіяхъ А. Васильева, Славяне въ Греціи, Визант. Врем. V (1898), стр. 404—438; 626—670; G. Meyer'a, Neugriechische Studien II, 1—12; Матова, Гръцко-български студии 21—52; помимо названій мѣстностей, славянское происхожденіе которыхъ подмѣчается довольно легко: Ζυγόρι — Загорье, Μεσολόγγι — Μέσο + лжгъ, Πάργα — \* Пáрга — Прáга, Δαργυμέστο — Драгомѣсто, Πρέβεζα — Прѣвеза и проч. (толкованіе другихъ названій см. Kretschmer, Archiv f. slav. Phil. XXVII (1905), 230 sq.) мы имѣемъ цѣлый рядъ славянскихъ заимствованій даже въ нѣкоторыхъ отдаленныхъ греческихъ говорахъ, и изученіе ихъ весьма важно и для изслѣдователей культурныхъ сношеній славянъ съ греками. Такъ цаконск. *μπόλια* sf. полотенецъ *Οικονόμος Γραμματική* 82 чрезъ посредство алб. *pol'e* «полотно» восходитъ къ ст.-слав. полл. *βιρίάζω* шипѣть, въ выраженіи *βιρίάζ' τοὺ νερό* «вода кипитъ» Velvendos 'Αρχαία I, 2, 77 изъ старослав. *вьрѣти* (о кот. Miklošič Etym. Wörterb. 381). *γλαδάζου* v. умирать отъ голода и жажды, Лесбосъ (Kretschmer, Lesbischer Dialekt 441)—ст.-слав. *гладати* и т. п. Повидимому греко-славянскія отношенія меньше интересуютъ нашего автора. Иначе онъ указалъ бы на цѣнность цѣлага ряда славянскихъ памятниковъ (въ особенности древнерусскихъ азбуковниковъ) для исторіи греческаго языка; указывая на интересъ Константинопольскаго перевода Моисеева Пятикнижія на народно-греческій языкъ въ еврейской транскрипціи 1547 г., изданнаго D. C. Hesselings'омъ, и другихъ находокъ, напр. Книги Іоны на греческомъ говорѣ юго-восточной части Эгейскаго моря (см. Hesselings, Le livre de Jonas, Byz.

Zeitschr. X, 208—217), «Vulgärgriechisch-Romanisches aus einer spanischen Handschrift» W. Schmid'a, Byz. Zeitschr. VII, 406 sq., гдѣ сообщаются свѣдѣнія о смѣшанномъ греко-испанскомъ говорѣ и проч. (см. Thumb, I. F. A. XIV, 80 sq.), Thumb забылъ упомянуть книгу Н. К. Никольскаго, Рѣчь тонкословія греческаго, Русско-греческіе разговоры XV—XVI вв. (sic) СПб. 1896 («Памятники древней письменности», томъ CXIV); здѣсь, хотя и безъ знаній средне- и новогреческаго языка, изданъ древне-русскій памятникъ, содержащій многочисленныя греческія народныя слова и выраженія въ русской транскрипціи, затѣмъ рядъ греческихъ псалмовъ, также въ русской транскрипціи. Научно-лингвистическое изученіе этихъ текстовъ обѣщаетъ дать весьма цѣнные матеріалы для исторіи греческаго языка. Не менѣе цѣнны для лингвиста-ислѣдователя греческаго языка матеріалы русскихъ азбуковниковъ, поэтому слѣдовало бы упомянуть труды, гдѣ имѣются указанія на эти мало изслѣдованные памятники: В. И. Ягичъ, Разсужденія южно-славянской и русской старины о церковно-славянскомъ языкѣ, Изслѣдованія по русскому языку, т. I (СПб. 1895), стр. 289—1067; А. И. Соболевскій, Лекціи по исторіи русскаго языка, СПб. 1902 и проч. Здѣсь же слѣдовало бы упомянуть и лингвистическія работы, имѣющія отношеніе къ греческой этимологіи, напр. П. М. Мелиоранскаго, Турецкіе элементы въ языкѣ «Слова о полку Игоревѣ» въ «Извѣстіяхъ отд. русск. яз. и словесности Имп. Ак. Наукъ VII», (1902) кн. 2, стр. 273—302. Не смотря на эти недочеты статьи Thumb'a (Lateinisch-romanisches Wörterbuch Körting'a, «Einführung» Meyer-Lübke и др., гдѣ всюду разбросаны этимологіи эллинистическихъ словъ) могутъ быть рекомендованы всѣмъ, кто желаетъ ознакомиться съ состояніемъ науки о среднегреческомъ языкѣ.

13) Th. Claussen, *Griechische Elemente in den romanischen Sprachen*. Neue Jahrbücher f. d. klassische Altertum, Geschichte und deutsche Litteratur u. f. Paedagogik, Band XV (1905), p. 410—424.

Обладая лишь скудными матеріалами для изученія народно-греческаго языка классическаго и послѣдующихъ періодовъ, изслѣдователи лингвисты за послѣдніе годы усиленно доискивались новыхъ источниковъ. Thumb неоднократно указывалъ на необходимость изученія греческихъ элементовъ въ восточныхъ языкахъ (см. Archiv f. Papyrusforschung II, 406 sq.; Byz. Zeitschr. IX, 388 sq.; Ind. Forsch. Anz. VI, 56 sq., IX, 122 sq., XIV, 80 sq.). Между тѣмъ оставалась неизученной болѣе доступная и болѣе близкая для грециста область — памятники латинскаго языка (а также и романскихъ яз.), содержащія массу греческихъ словъ. Молодому нѣмецкому лингвисту Th. Claussen'у принадлежитъ честь указанія на народно-греческіе элементы въ вульгарной латыни, восходящія къ эпохѣ народженія эллинистическаго языка. Всестороннее использование этихъ матеріаловъ для исторіи греческаго языка — ближайшая задача грециста, но для этого необходимы весьма серьезныя познанія въ области научной грамматики латинскаго и романскихъ языковъ

Именно на это обстоятельство Клаусеномъ обращено слишкомъ мало вниманія. Svarabhakti гласнаго звука въ формахъ *barattare* etc. (р. 411), *escalamo* (ibid.), *buturā* (ibid.), *carabattola*, *ganascia* (412) и проч., пожалуй, не даетъ намъ основанія предположить греч. *παράττειν*, *σκαλαμός*, *βόθρος*, *καράβατος*, *γυάθος* и проч. вм. *πράττειν*, *σκαλμός*, *βόθρος*, *κράβατος*<sup>1)</sup>, *γυάθος* и проч. Svarabhakti здѣсь нужно видѣть уже на почвѣ латинскаго языка. Напротивъ, весьма цѣнными слѣдуетъ признать выводы о закрытой артикуляціи греч. *ο π ε* въ древнее время (стр. 412), затѣмъ указанія многочисленныхъ дорическихъ заимствованій не только въ классической, но и въ вульгарной латыни (стр. 414). Въ виду скудности греческихъ примѣровъ исчезновенія носовыхъ согласныхъ въ закрытомъ слогѣ (см. Dieterich, *Untersuchungen* 111—121) весьма цѣнны примѣры Klaussen'a (412) изъ латинскихъ источниковъ. Исчезновеніе начальныхъ гласныхъ звуковъ, какъ напр. *κλησία* вм. *ἐκκλησία*, *μικράνια* вм. *ἡμικράνια* и проч. въ греческой Κοινή наблюдается весьма часто (см. Klaussen 423); это — опять цѣнное дополненіе къ тому, что говорится объ этомъ явленіи у лингвистовъ: Dieterich, *Untersuchungen* 29—33; Foy, *Lautsystem* 117 sq.; Hatzidakis, *Einleitung* 321 sq. Нѣкоторые примѣры, правда, могутъ вызвать сомнѣніе, напр. \**ἀλεημοσύνη* вм. *ἐλεημοσύνη*; начальное *α* — здѣсь, пожалуй, образовалось уже на романской почвѣ. Интересны примѣры сокращенія долгихъ согласныхъ (стр. 423); но къ случаямъ удлиненія краткихъ согласныхъ (стр. 411) слѣдуетъ относиться скептически, пока подобныя же явленія не засвидѣтельствованы греческими надписями. Вообще при подобнаго рода изслѣдованіяхъ никогда не слѣдуетъ забывать того, что по другому поводу сказано Hatzidakis'омъ (*Liter. Centralbl.* 1898, 1583—85). — Особенно цѣнны для греческаго языка случаи измѣненія *Λ + cons* въ *ρ + cons* (Klaussen 423—24) и *τφ* въ *στ* (424: *βλαστημεῖν*), важные для хронологіи этихъ фонетическихъ явленій. — Морфологическія явленія почти упущены изъ виду нѣмецкимъ ученымъ. Между тѣмъ и здѣсь подготовлены матеріалы: итал. *gossa*, франц. *gache* и проч. (422) восходятъ не къ греч. *ῥώξ* и не къ асс. sing. этого слова *ῥώγα*, а къ средне-греч. nom. sing *ῥώγα* (объ образованіи кот. см. Dieterich, *Untersuchungen* 158 sq.), такъ же: итал. ретороман. испан. *palansa* и проч. (Klaussen 415) не изъ *φάλαγξ*, а изъ ср.-греч. *φάλαγγα* и т. д., которое такимъ образомъ засвидѣтельствовано уже для весьма ранняго времени. — Статья Klaussen'a во многихъ пунктахъ отличается краткостью (напр. семасіологическій отдѣлъ стр. 422 sq.), въ другихъ

1) На основаніи изслѣдованія Tzumb'a, *Die griechische Sprache im Zeitalter des Hellenismus* р. 22—24, правильно писать: *κράβατος*.

2) Въ указанныхъ Klaussen'омъ случаяхъ перехода *δ* въ *λ* (стр. 412) измѣненіе состоялось уже на латинской почвѣ, см.: O. Keller, *Vertauschung von d und l im Lateinischen*, *Archiv f. lat. Lexikogr.* XIV (1905), 284.

случаяхъ греческому языку въ ней приписываются нѣкоторыя, казалось бы, чуждыя ему явленія. Но тѣмъ не менѣ здѣсь весьма опредѣленно указывается новая, обширная область лингвистики, обстоятельное изученіе которой можетъ привести къ цѣннымъ для исторіи греческаго языка открытіямъ. Слѣдуетъ только надѣяться, что молодой ученый въ недалекомъ будущемъ примется за разработку всего обѣщаннаго въ настоящей статьѣ.

14) П. М. Меліоранскій, *Турецкіе элементы въ языкъ «Слова о полку Игоревѣ»*. Извѣстія отд. русск. яз. и словесности Имп. Ак. Наукъ VII, 4, стр. 273—302.

15) О. Е. Коршъ, *Турецкіе элементы въ языкъ «Слова о полку Игоревѣ»*. Извѣстія русск. отд. И. А. Н. VIII, 4, стр. 1—58.

16) П. М. Меліоранскій, *Вторая статья о турецкихъ элементахъ въ языкъ «Слова о полку Игоревѣ»*. Извѣстія русск. отд. И. А. Н. X, 2, стр. 66—92.

17) П. М. Меліоранскій, *Заемствованныя восточныя слова въ русской письменности до-монгольскаго времени*. Извѣстія русск. отд. И. А. Н. X, 4, стр. 109—134.

Въ этихъ статьяхъ мы прежде всего видимъ цѣнную предварительную работу для изслѣдованія народно-греческихъ элементовъ въ русскомъ языкѣ. Нѣсколько мелочей лишь вызываютъ возраженія со стороны грецистовъ: русск. быля (форма эта установлена уже давно см. Korsch, Archiv f. slav. Phil. IX, 491—492, Меліоранскій I, 285—286, II, 84 sq.), заимствовано несомнѣнно прямо изъ турецк. боџла, ибо греческое посредство дало бы \*виля. Къ той же турецкой формѣ восходитъ греч. βολῆς, βολῆς у Теофана, βολῆδες у Константина Багрянороднаго, гдѣ β изъ b уже на греческой почвѣ (неточно Меліоранскій I, 285 сл., неправильно Коршъ 38, см. Меліоранскій II, 85 сл.). Именно эта греческая форма и говоритъ въ пользу орхонско-турскаго: bojla (W. Radloff, Die Alttürkischen Inschriften der Mongolei. Die Inschrift des Tonjukuk p. 4, 6, 12 см. Коршъ 38; Меліоранскій II, 85 сл.). Славянское происхожденіе греческаго βολῆς и проч. невозможно по фонетическимъ причинамъ: слав. ъ на греческой почвѣ даетъ і (въ виду «одночленной среднеязычности») южнославянскихъ языковъ, о чемъ Бодуэнъ де Куртенэ, Сравнительная грамматика славянск. яз. 54 сл.; греческіе примѣры см. G. Meyer, Neugriech. Stud. II);—др.-греч. βόμβυξ Seidenraupe до сихъ поръ сопоставлялось съ формами βόμβος, βομβέω и проч. (см. Prellwitz, Etym. Wörterb. d. gr. Spr. 80). Коршъ выводитъ его изъ перс. раmbuk объясняя начальное βομ—народно-этимологическимъ сближеніемъ съ указанными формами (Коршъ 55—58). Рядомъ съ раmbuk въ Персіи существовала форма: раmbuk откуда арм. бамбак, осет. бампӕг. Черезъ турецкое посредство слово было заимствовано греками: отсюда поздне-греч. πᾶμβαξ, παμβάχιον, βᾶμβαξ. Контаминація греческихъ πᾶμβαξ дала лат. bombax, ит. bombagio; къ послѣднему восходитъ βόμβυξ и слав. \*бжбажный; русск. бумажный черезъ диссимиляцію изъ

\* бубажный (Коршъ 55—58). Русск. бумага, по мнѣнiю Корша (58), — реконструкцiя по образцу фляжка: фляга и проч.—Первая часть выводовъ акад. Корша намъ кажется убѣдительною, но далѣе можно сдѣлать и такую комбинацiю: греч. βόμβαξ (Sophoclis Lexicon 312), происшедшее изъ πάμβαξ + βόμβυξ, имѣло рядомъ съ собой и форму μπυμπάμιον. Изъ послѣдняго могло <sup>1)</sup> получиться слав. бжбага, откуда \*бубага, и диссимиляционнымъ путемъ — бумага. — Слово готянь, гайтанъ, судя по замѣчанiямъ Мелиоранскаго I, 286 и Корша 35 и 37, ими выводятся изъ турецк. γαϊταν. Этому противорѣчатъ слѣдующiе отгѣнки значенiя русскаго слова: гавитанъ, гайтанъ, круглый шнурокъ, на которомъ напр. носятъ тѣльный крестъ, см. Смирновъ, Кашинскiй словарь 25;—гайтанъ: 1) шнурокъ, 2) ламповый фитиль, см. Сахаровъ, Языкъ крестьянъ Ильинской волости, Болховскаго уѣзда Орловск. губ. 13;—говетанъ, веревка, Архангельскъ, Подвысоцкiй 31;—гайтанъ, гойтя'нь, готянь шнурокъ, тесьма, на которой носятъ крестъ, Оловецк. губ., Куликовскiй 14. — Въ виду христiанскаго отгѣнка значенiя, слово слѣдуетъ выводить изъ греч. γαϊτάκι, откуда и турецк. gajtan (неточно Miklosich, Türkische Elemente I, 86). Средне-греч. γαϊετανόν (Galen. X, 317 D. см. Sophoclis Lexicon 322) выводится изъ лат. Cajeta, откуда ср.-лат. gaitanum у Марцелла Эмпирика. Сомнѣнiе G. Meyer'a, Türkische Studien I, 91 излишне въ виду примѣровъ Sommer'a, Handbuch der lat. Laut.-Formenlehre 284. Изъ греч. языка—турецк. и др. (см. G. Meyer, Etym. Wörterb. d. albanes. Spr. 117). — Слово скоморохъ выводится Мелиоранскимъ (III, 127—129) верѣшительно изъ греч. \* σκώμμαρχος. Этимологiя весьма сомнительна. Въ такомъ случаѣ уже лучше выводить слав. скомрахъ, русск. скоморохъ изъ названiя народа Skamari (см. I. Perwolf, Slavische Völkernamen, Archiv f. slav. Phil. VIII, 13). — Слово «каторга», родъ судна въ Новгородск. лѣтописи IV, 133, согласно Миклошичу и Коршу выводится непосредственно изъ греч. κάτερρον pl. κάτερρα, откуда турецк. kaderga (Мелиоранскiй III, 120). При такомъ толкованiи Vokalharmonie въ русской формѣ станетъ ясна, если обратить вниманiе на широкое распространенiе этого явленiя въ греческихъ говорахъ Понта, которое нельзя признать новымъ. — Статья ак. Корша не безинтересна и для изслѣдователей иноязычныхъ элементовъ въ греческомъ языкѣ: πεχλεβάνης, μπεχλεβάνης, атлетъ, фокусникъ, выводится изъ перс.-турецк. pehlivan (Коршъ 2—3); — παστουρμάς, παστραμάς изъ турецк. pasturma, что изъ греч. πάστομα, соленье (Коршъ 7); — греч. μπαργιάκι, μπαϊράκι знамя, болг. бържак, серб. бържак, алб. barjak изъ турецк. bajrak (Коршъ 37). — На греческой почвѣ при помощи суфф. — άρις образовалось: μπαργιακάρης (относ. — άρις см. Hatzidakis, Einleitung 318) знаме-

1) Ослабленiе артикуляцiи глухихъ смычныхъ согласныхъ, влекущее за собой ихъ «переходъ» въ соотвѣтств. звонкiе, распространено и въ греч. языкѣ; сравни нашу статью въ Вуз. Zeitschr. XVI, 3—4.

носець; отсюда тур. *barjaktar*, серб. *барјактар*, алб. *barjaktar* и проч. (неточно Коршъ 36). — Наконецъ греч. *βοεάνος*; удачно выводится изъ слав. *боганъ* что изъ турецк. *бажан* (Коршъ 38).

М. Фасмеръ.

**Арсеній, епископъ Псковскій.** *Измѣдованія и монографіи по исторіи Молдавской церкви.* Съ 8 автотипическими портретами. СПБ. 1904. XXII+583 стр. Цѣна 3 р.

Послѣдній трудъ преосв. Арсенія представляетъ глубокой интересъ какъ по широтѣ задачи, такъ и по обширности затрагиваемыхъ вопросовъ. Состоитъ онъ изъ двухъ частей: 1) «Исторія Молдавскихъ епархіи и ихъ святители со времени основанія господарства и до нашихъ дней» и 2) «Главные моменты и важнѣйшіе дѣятели Румынской церковной жизни въ XIX вѣкѣ». Ближайшее отношеніе къ византологіи и славяновѣдѣнію имѣетъ первая часть, вмѣстѣ съ вступительной главой, гдѣ авторъ дѣлаетъ пересмотръ мнѣній по вопросу о началѣ христіанства въ придунайскихъ областяхъ, рассматриваетъ юрисдикціонныя отношенія дакійскихъ епископовъ къ церквамъ западной и восточной римскихъ имперій, а затѣмъ къ первой Юстиніанѣ, Охриду и Константинополю, наконецъ, передаетъ исторію властолюбивыхъ стремленій византійской патріархіи по отношенію къ новой молдавской церкви въ концѣ XIV вѣка, которыя окончились безъ результатовъ для Царьграда и укрѣпленіемъ самостоятельности Молдавіи въ церковномъ отношеніи. Епископъ Арсеній пользуется «Актами Константинопольскаго патріархата» и румынскими первоисточниками, почему его взгляды въ большинствѣ случаевъ получаютъ цѣну вполне достовѣрной истины

Остановимся хотя бы на одномъ изъ вопросовъ, разработанныхъ у преосв. Арсенія, напр. о началѣ христіанства на Дунаѣ. Первая теорія это событіе относить къ I вѣку, связываетъ съ дѣятельностью апп. Андрея и Андроника, которымъ достались «скиескія пустыни», и основана на извѣстномъ преданіи, разрушенномъ акад. Е. Голубинскимъ. Второе мнѣніе переноситъ начало христіанства къ II в. и ставитъ его въ зависимость отъ колоніальной политики римлянъ, которые охотно заселяли провинцію Дакию христіанами, такъ-какъ послѣдніе здѣсь были свободны отъ преслѣдованій (Δ. Φιλίππίδης, 'Ιστορία τῆς Ρουμανίας, τ. α', 1816, р. 142). Въ началѣ II вѣка Тертуліанъ прямо говоритъ, что въ Христа увѣровали «сарматы, даки, германцы, скиевы». Но въ 274 году Аврелианъ перевелъ легіоны на лѣвый берегъ Дуная, а за ними двинулась часть населенія; это было сдѣлано ввиду подвигавшагося съ востока нашествія готовъ, и теперь центръ церковной жизни былъ перенесенъ въ задунайскую область: около 296 года здѣсь утверждается сисанская епископія, нѣсколько позже — ремезіанская. Послѣ завоеванія Дакии готами упоминаются епископы Теофилъ, Ульпила, Упила, изъ которыхъ первый